

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-31
ББК 83.011.6

Ошейко С. П¹.

ORCID:0009-0009-7107-3059

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,*

*630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
bealch@yandex.ru*

МОТИВ БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ Ф. К. СОЛОГУБА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «СМЕРТЬ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ»)

В статье рассматривается мотив безумия в творчестве Ф. К. Сологуба на материале рассказа «Смерть по объявлению». Анализ психологического портрета и динамики эмоциональных состояний главного героя, выявление логики развития сюжета, взаимодействия героя и мира, а также особенностей использования различных точек зрения позволил выявить следующие контексты функционирования мотива безумия. Мотив безумия выступает ключевым смыслопорождающим инструментом: на микроуровне безумие обуславливает изменчивый спектр эмоциональных состояний героя, делая его сверхчувствительным и склонным к резким перепадам настроения, тогда как на макроуровне этот мотив раскрывает невозможность для героя, погруженного в мир чувств, провести границу между реальным и фикциональным. На наш взгляд, амбивалентная функция мотива безумия раскрывает его ключевую роль как в формировании философско-эстетической системы Ф. К. Сологуба, так и в репрезентации особенностей его художественного метода в рамках антропологической проблематики рубежа столетий.

¹ Ошейко Сергей Петрович, магистр гуманитарного института, филологический факультет; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск, Россия.

Ключевые слова: Ф. К. Сологуб, безумие, мотив, разрушение личности, реальное и фикциональное

Кон. XIX–нач. XX вв. – эпоха интенсивного развития психиатрии. Врачи, обеспокоенные резким увеличением числа душевных расстройств, активно изучают причины развития психических расстройств, разрабатывают новые систематизации и определяют уязвимые группы населения. Научные концепции, объясняющие этиологию душевных заболеваний, поставили перед врачами конца XIX – начала XX века множество сложных вопросов. Одним из таких *questio insolubilis* стало выявление универсальной симптоматики.

Наиболее выразительную симптоматику часто демонстрировали представители маргинальных социальных групп, что послужило основанием для формирования мнения об их повышенной уязвимости к душевным заболеваниям. Интересно, что в группе риска наряду с преступниками, лицами, имеющими тяжелые наследственные заболевания, инородцами, проститутками и развратниками, также попадали художники и литераторы [2, 152–171]: деятели искусства стимулировали интерес со стороны психиатров как экстраординарным поведением, так и содержанием своих произведений. Спектр тем, интересующих писателей рубежа веков, охватывал нарушения восприятия, патологии воли, нервные заболевания, эротические девиации, что само по себе не могло остаться без внимания психиатров [7, 649–650].

Пристальное внимание писателей конца XIX – начала XX века к феномену безумия подчеркивало необратимый распад человека «*Fin de siècle*», знаменуя утрату ценностных ориентиров и эскалацию конфликта между личностью и обществом.

Указанная тенденция находит яркое художественное воплощение в творчестве Ги де Мопассана. Для многих произведений французского классика («Орля», «Маленькая рок», «Сумасшедший», «Признание», «Он?», «Одиночество», «Кто знает?», «Ночь», «Гостиница», «Дело о разводе» и др.) характерно использование душевной болезни в качестве центрального сюжетообразующего элемента. Этот прием выполняет двойную функцию: он манифестирует безудержное стремление к чувственным удовольствиям и в то же время демонстрирует ужас героев перед тем, что находится за гранью чувственного восприятия и не может быть интерпретировано в рамках сложившийся культурной парадигмы [8].

В творчестве А. Стриндберга безумие предстает следствием максимального напряжения воли («Фрекен Жюли», «Преступление и преступление», «Пепелище») или же акцентирует неспособность героя противостоять психологическому давлению («Художники», «Дитя», «Поединок», «На круги своя»), тем самым отражая обострение конфликта между индивидом и окружающей средой, эксплицируя витализм, лежащий в основе человеческих отношений и демонстрируя спектр различных психопатологий, связанных с нарушением воли.

Герои А. Шницлера зачастую балансируют на грани помешательства. Австрийский писатель использует безумие в качестве инструмента, демонстрирующего темные желания человека и в то же время подчеркивающего косный характер культуры, которая, с одной стороны, предоставляет социально приемлемые механизмы удовлетворения желаний, а с другой – неизбежно усугубляет конфликт между фантазией и реальностью, тем самым интенсифицируя разрушение личности [1, 65–97], что наиболее ярко отражено в следующих произведениях: «Цветы», «Карусель» «Лейтенант Густль», «Убийца», «Судьба барона фон Лейзенборг», «Мертвые молчат», «Фрау Берта Гарлан и ее сын», «Барышня Элиза».

В Российской империи главными адептами «большого искусства» рубежа веков выступили старшие символисты. Именно они, по замечанию О. Ханзена-Леве, разработали нечто вроде системы репрезентации безумия, постулировав различие между «творческим безумием» и бытовым сумасшествием [6, 349–353]. В лирике старших символистов (З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта и Д. С. Мережковского) присутствуют вариации на тему безумия, однако именно Ф. К. Сологуб достиг в её осмыслении наибольшей глубины. В этом контексте особое значение приобретает черновой набросок, аккумулирующий ключевую проблематику и творческое кредо Ф. К. Сологуба: «Поразительная способность воспроизведения болезненных состояний души, истерических ощущений, умение передавать сны, кошмары, химеры и т. д. Колоссальные и удивительные результаты. Моя область – между грезой и действительностью. Я – настоящий поэт бреда» [4, 592]. Емкая автохарактеристика не только раскрывает эксплицитные причины неизменного интереса Ф. К. Сологуба к феномену безумия, но и выявляет глубинные связи между его теоретическими построениями и особенностями художественного метода, непосредственно объясняя выбор сюжетов.

Действительно, безумие является частотным сюжетогенным мотивом не только в лирике и романах, но и в малой прозе

Ф. К. Сологуба. Многогранный художественный анализ безумия представлен в рассказах «Тени», «Красота», «Дама в узах (легенда белой ночи)», «Прачка с длинною косой», «Голодный блеск», «Конный стражник», но нас в первую очередь будут интересовать особенности изображения и семантическое содержание безумия в рассказе «Смерть по объявлению».

Завязка рассказа непосредственно связана с мотивом безумия: находясь под властью сплина, Резанов сочиняет письмо, адресованное Смерти: «Резанов чувствовал себя таким слабым, усталым, увядающим. К вечному успокоению все чаще клонились мысли. Казалось, что слаще нет отдыха, как на дощатом ложе, в сосновой домовине. И захотелось вдруг развлечения не по установленной программе» [5, 366]. Отметим, что неясные мотивировки, повышенная чувствительность, эмоциональные колебания будут сопровождать героя до самого конца, являясь важной частью психологического портрета и маркируя постепенное разрушение личности. Вместе с тем образ гроба, связанный с отдыхом и покоем, демонстрирует ещё один вектор безумия: создание навязчивых образов и неразличение реальных и фикциональных пространств. Тело героя также свидетельствует о начавшейся болезни. «Дрожала рука. Стучало острие карандаша. Усмехнулся. Подумал: «Старею» [5, 367].

Резанов отправляет письмо и предаётся мечтам по возвращении домой. Женские образы, создаваемые героем, точно почерпнуты из бульварных романов и в то же время реальны, так как стимулируют чувственность. Процесс фантазирования ускоряет разрушение границ между реальным и фикциональным: «...думал, какая она придет. Тощая, уродливая, с побуревшим от бедности и страданий лицом, с желтыми зубами, с жидкими рыжеватыми космами...Или молоденькая, застенчивая, тихая, с тонкими пальцами швеи...Или пьяною придет проституткою, накрашенная, разбитная... Или провинциальная вульгарная дама в невероятном костюме...» [5, 368].

Эпизод, связанный с получением письма, маркирует усиливающееся безумие Резанова и отражает утрату ощущения реальности. В сознании героя продавец открыток метонимически уподобляется своему товару, а работники и посетители почтамта оказываются живыми марионетками. Всеобъемлющая пошлость обуславливает разрушение границ между индивидом, предметом и знаком, тем самым репрезентуя оскудение духовного мира человека и подмену ценностей. «Вертящаяся витрина показала ему все виды приторной пошлости на открытках... Смазливая девица со скучающим лицом обидчиво дернулась жирными плечами. ... кудерьки на лбу,

фарфоровый цвет лица, синие зрачки. ...рыжий господин с котелком в руке и беспокойными глазами смотрел на письма ... Господин, по всем признакам, ждал письма «чувствительного и фривольного», и волновался, и был некрасив и жалок» [5, 368–369].

Рыжий господин фактически оказывается комическим двойником главного героя. Заметим, что Резанов также представляет смерть в рамках готовых парадигм, обнаруживая зависимость своего духовного мира от шаблонов современной культуры, однако не выставляет это напоказ в отличие от незнакомого господина. Неизвестно, чем закончилось любовное свидание мужчины с котелком, но ожидания героя не суждено было сбыться. Автор лишает смерть каких-либо индивидуализирующих черт, тем самым подчеркивая её инобытийную природу: «...тонкая, бледная, очень тихая и спокойная. ... Глаза серые, спокойные. Ничего не выдавали. Только внимательные. В лице, совсем некрасивом, выражение ясности и покорности. ... казалось, что холодом повеяло от нее. И так тихи, так недвижны были складки ее белого платья» [5, 370–371]. Общение со Смертью маркирует необратимый характер болезни героя, что проявляется в нестабильности эмоционального состояния и в обострении конфликта между чувством, волей и действием: «Тоска томила его. Он сказал резким голосом, побеждая тоску и страх ...И крикнул с дикою злобою...Такие безнадежные и беспощадные упали слова. Дрогнул. Поник... И была тоска, и усталость, и равнодушие» [5, 373]. Ф. К. Сологуб выстраивает спектр негативных эмоций Резанова (от гнева до равнодушия), приковывая внимание читателя к проблеме утраты воли. Максимальное нервное истощение приводит героя к утрате воли, что становится ключевым маркером его прогрессирующего безумия.

Далее отметим важную деталь: по мере развития сюжета Ф. К. Сологуб усугубляет безумие Резанова, актуализируя тему преследования. Этот прием типичен для автора «Смерти по объявлению»: в его творчестве преследование часто функционирует как гипермотив, который эксплицирует разрушение связей между героем и окружающим миром, сопровождая постепенную деградацию героя [3]. Этот принцип находит отражение в судьбе Резанова: едва расставшись со Смертью, герой испытывает непреодолимое желание вновь увидеть её: «Сам замкнул дверь на ключ ... Потом остановился в полутемной передней. Смотрел на дверь тоскующими глазами. Чувствовал, – точно видел сквозь опрозрачившуюся вдруг дверь, – как она стоит за дверью, тихая, с кроткою улыбкою...» [5, 375].

Лихорадка становится для Резанова точкой невозврата, за которой следует окончательный распад личности. Этот процесс выражается в ослаблении границ между точкой зрения автора и героя, а также в неразличении внутренней и внешней речи. «Томила тоска. Мысли были неясны и спутаны. Голова кружилась. По телу пробегал озноб и жар» [5, 375]. Герой начинает жалеть Смерть и убеждает себя в том, что ему нечего бояться и что негативный ареол смерти вызван прежде всего людскими страхами: «Весь сотрясался в приступах жестокой и сладкой лихорадки. Какие странные приходят в голову мысли! Она – умная и добросовестная. Взяла деньги, и хочет их заработать, и хорошо играет подсказанную ей роль. Отчего же она такая холодная? Да оттого, что – она бедная, голодная, усталая, больная. Устала от работы. Так много ей работы» [5, 376]. На следующую ночь, окончательно перестав различать реальность и фантазию, Резанов, не проявляя эмоций, выпускает смерть, и они совершают парное самоубийство на ложе любви.

Подведем некоторые итоги. В рассказе Ф. К. Сологуба «Смерть по объявлению» мотив безумия выступает катализатором извечного конфликта чувственного и волевого начал в душе Резанова. Указанный антагонизм влечет за собой утрату способности различать реальность и фантазию, что в конечном счете и становится причиной гибели героя. Трагическая развязка оказывается закономерным итогом развития душевной болезни. Безумие Резанова не только характеризует его личную драму, но и раскрывает значимую роль феномена безумия в философско-эстетической концепции Ф. К. Сологуба, подчеркивая тесную связь его творчества с антропологической проблематикой рубежа веков.

Список источников

1. Жеребин А. И. Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. Санкт-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2011. 533 с. (Австрийская библиотека).
2. Сироткина И. Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX–начала XX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 272 с. (Серия «Научная библиотека»).
3. Сконечная О. Ю. Русский параноидальный роман : Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 251 с. (Научная библиотека, Научное приложение).
4. Сологуб Ф. К. Стихотворения. / сост., подгот. текста и примеч. М.И. Дикман. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние,

1979. 679 с. (Библиотека поэта : Оsn. M. Горьким. Большая серия: 2-е изд.).

5. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2 Мелкий бес. Роман. Рассказы. Сказки / сост. примеч. Т. Ф. Проконова, вступ. ст. С. Л. Соложенкиной. Москва: НПЦ «Интелвак», 2001. 624 с.

6. Ханзен-Леве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Броммер, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. Санкт-Петербург: «Академический проект», 1999. 512 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 20).

7. Rukalski Z. Maupassant and Chekhov: Differences // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 13. No. 4 (Winter, 1971). Pp. 374–402. URL: <https://www.jstor.org/stable/40866374> (дата обращения: 10.06.2026).

8. Smith J. M. Concepts of Decadence in Nineteenth-Century French Literature // Studies in Philology, Vol. 50. No. 4 (Oct., 1953). Pp. 640–651. URL: www.jstor.org/stable/4173078 (дата обращения: 10.06.2026).

REFERENCES

1. Zherebin A. I. Vertikal'naya liniya: venskij modern v smyslovom prostranstve russkoj kul'tury. Sankt-Peterburg: Izd-vo im. N. I. Novikova, 2011. 533, p. (Avstrijskaya biblioteka). (In Russ.).

2. Sirotkina I. E. Klassiki i psixiatry. Psixiatriya v rossijskoj kul'ture konca XIX–nachala HH ve-ka. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 272 p. (Seriya «Nauchnaya biblioteka»). (In Russ.).

3. Skonechnaya O. Yu. Russkij paranojdaľ'nyj roman: Fedor Sologub, Andrej Belyj, Vladimir Nabokov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 251, p. (Nauchnaya biblioteka, Nauchnoe prilozhenie). (In Russ.).

4. Sologub F. K. Stihotvoreniya. / sost., podgot. teksta i primech. M. I. Dikman. Leningrad: Sov. pisa-tel'. Leningr. otd-nie, 1979. 6n79 s. (Biblioteka poeta: Osn. M. Gor'kim. Bol'shaya seriya: 2-e izd.). (In Russ.).

5. Sologub F. K. Sobrańie sochinenij: V 6 t. T. 2 Melkij bes. Roman. Rasskazy. Skazki / sost. primech. T. F. Prokopova, vstup. st. S. L. Solozhenkinoy. M.: NPC «Intelvak», 2001. 624 p. (In Russ.).

6. Hanzen-Lyove O. Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm / per. s nem. S. Bromer, A. C. Masевичa i A. E. Barzaha. SPb.: «Akademicheskij proekt», 1999. 512 s. (Seriya «So-vremennaya zapadnaya rusistika», t. 20). (In Russ.).

7. Rukalski Z. Maupassant and Chekhov: Differences // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 13. No. 4 (Winter,

1971). Pp. 374–402. URL: <https://www.jstor.org/stable/40866374> (дата обращения: 10.06.2026). (In Russ.).

8. Smith J. M. Concepts of Decadence in Nineteenth-Century French Literature // *Studies in Philology*, Vol. 50. No. 4 (Oct., 1953). Pp. 640–651. URL: www.jstor.org/stable/4173078 (дата обращения: 10.06.2026). (In Russ.).

**F. K. SOLOGUB'S PROSE: THE MOTIVE OF MADNESS
(BASED ON THE STORY "DEATH BY ADVERTISEMENT")**

Sergei P. Osheiko

Master, Novosibirsk National Research State University
(Novosibirsk, Russia)

Abstract

This article examines the motif of madness in F. K. Sologub's works, using the story "Death by Advertise" as an example. An analysis of the protagonist's psychological profile and emotional dynamics, an examination of the logic of plot development, the interaction between the protagonist and the world, and the specific use of different points of view revealed the following contexts for the functioning of the motif of madness. The motif of madness serves as a key meaning-generating tool: at the micro level, madness determines the protagonist's variable spectrum of emotional states, making him hypersensitive and prone to sudden mood swings, while at the macro level, this motif reveals the inability of the protagonist, immersed in the world of feelings, to distinguish between the real and the fictional. In our opinion, the ambivalent function of the motif of madness reveals its key role both in the formation of F. K. Sologub's philosophical and aesthetic system and in representing the characteristics of his artistic method within the framework of anthropological problems at the turn of the century.

Keywords: F. K. Sologub, madness, motive, destruction of personality, real and fictional

Для цитирования: Ошейко С. П. // Мотив безумия в прозе Ф. К. Сологуба: к постановке вопроса (на материале рассказа «Смерть по объявлению») // *Libri Magistri*. 2026. №3. С. 13–20.

Поступила в редакцию 19.06.2026